

Через некоторое время остальные дети стали прибывать одна за другой. Сюань-гэр тоже поел дома и вместе с Лю Шуйхэ отправился в горы: один направился в мастерскую лепешек, другой — к теплицам.

Су Ци появился, полный энергии. Он жил на горе, поэтому вставать ему было удобно, и до сих пор он даже не успел позавтракать.

Открыв двери мастерской лепешек, Су Ци пригласил детей внутрь и показал им, как работать.

Переворачивать лепешки, складывать их в стопки, упаковывать — всё это было несложно, достаточно было один раз посмотреть. А вот вести учет и учить иероглифы требовало времени, и пока этим детям такие навыки были не нужны.

Тем временем Ли-ши давно уже встала и вместе с Шэнь-ши занималась приготовлением общего обеда.

В доме на горе имелась специальная огромная комната, внутри стояли ряды деревянных столов и скамеек. Хань Да и Су Ци с другими обычно приходили сюда поесть. Когда Лю Яоцин в первый раз предложил выделить отдельное помещение для столовой, другие не понимали смысла. Но теперь, глядя на то, как удобно Хань Да и Су Ци здесь обедают, и на специально отведенное место для посуды, все признавали, что Цин-гэр — молодец, он всё продумывает, и всё оказывается полезным.

— Цин-гэр, Чжэн-гэ и Мин-гэ тебя ищут, — вбежал в комнату Син-гэр, держа в руках лепешку. Он обедал вместе с Ли-ши и Лю Цюаньцинем и, увидев Чжэн-гэ и Мин-гэ, прибежал передать слово.

— Пусть зайдут, — ответил Лю Яоцин, продолжая есть.

С тех пор как они сосватались, Лю Яоцин больше не ел вместе с Ли-ши и Лю Цюаньцинем. Еду теперь приносил Чжэцзы-гэ: он ходил туда, брал кушанья, и они вдвоем ели у себя в комнате. Иногда к ним присоединялся Мао Бай, выпрашивая мясо.

Чжэн-гэ и Мин-гэ пришли быстро. Увидев на столе кашу из белого риса, тарелку с арахисом, блюдо с помидорами с яйцами и малосольными огурцами, они смутились. Даже старик Лю не мог есть такое каждый день, а здесь у Лю Яоцина это было в порядке вещей.

Оба робко сели и промолчали.

Лю Яоцин не пригласил их к столу и размышлял о цели их визита, не начиная разговор первым. Чжэцзы-гэ вел себя так, будто никого не замечал, и дождался, пока Лю Яоцин отложит палочки, после чего сам доел всё, что осталось на тарелках, и лишь затем начал убирать посуду.

Утро было еще прохладным, тепло приходило только после еды. Лю Яоцин спрыгнул с кана, схватил горсть арахиса и протянул Чжэн-гэ и Мин-гэ.

— Как поживает тетушка? — вдруг спросил Лю Яоцин, резко сменив тему.

— Бабушка каждый день ругается, велит тетушке и дяде уйти. В последнее время тетушка, дядя, а также Чжи-гэр и Янь-гэр работают в поле. Утром не едят, возвращаются только вечером, чтобы поужинать раз, — басом ответил Чжэн-гэ.

— А та девочка как? — спросил Лю Яоцин.

— Она с моей матерью. Говорят, хотят найти ей мужа и выдать замуж.

Узнав то, что хотел узнать, Лю Яоцин вернулся к главному:

— Зачем вы вдруг поднялись в горы?

Чжэн-гэ немного заколебался. Он понимал, что приходит сейчас не совсем правильно, но устоять перед выгодами работы в мастерской лепешек было трудно. Взгляните на Су Ци: теперь между ним и деревенскими детьми такая пропасть, кто бы мог подумать раньше, что Су Ци был нищим?

Но Мин-гэ заговорил первым:

— Вчера Цин-гэр набирал людей, и мы с Чжэн-гэ хотели попробовать. Но жена Чжун-гэ велела нам прийти сегодня и в частном порядке спросить тебя, возможно ли это.

Это было намеком на протекцию.

Лю Яоцин не возражал против такого. Родственники есть родственники, раз есть иероглиф «родство», значит, они не такие, как чужие. Но это должны быть порядочные родственники. Такие, как Лю Цюаньфу, с которыми Лю Яоцин хотел бы вообще не иметь дел до самой смерти.

— Цин-гэр, вчера ты задавал вопросы, может, сегодня спросишь нас? — с тревогой в голосе сказал Чжэн-гэ.

Лю Яоцин задумался. Он никогда не видел, чтобы Чжэн-гэ и Мин-гэ обижали других детей. Дома они вели себя словно невидимки, на них никто не обращал внимания. Услышав эти слова Чжэн-гэ, Лю Яоцин почувствовал, что они не похожи на Чжун-гэ — у них есть собственное мнение.

Если это хорошие люди, Лю Яоцин не против помочь им.

— Когда станет теплее, купцы, приезжающие в горы, будут приходить всё чаще. Я собираюсь поставить рядом с мастерской лепешек большой навес, как раз не хватает двух человек на побегушках, — спокойно произнес Лю Яоцин. — Если хотите — приходите пробовать. Но первый месяц жалованья не будет, кормлю один раз в день. Увижу, что не справляетесь — в любой момент отправлю домой.

— Мы будем стараться изо всех сил.

Оба парня были очень благодарны Лю Яоцину. Слышно было, что дети, проходящие в горы, должны мыться и носить новую одежду. Они сами нагрели воды, помылись в горячей бане, нарядились чистенько, но новой одежды у них не было. Поэтому они забежали в комнату младшей Ли-ши, выпросили у нее праздничное платье, надели его прямо поверх старой одежды и так поднялись в горы.

Увидев, что Лю Яоцин оставил Чжэн-гэ и Мин-гэ, на следующий день Вэй-ши велела Чжун-гэ взять ребенка на руки, сама нарядилась попримечнее, и они вместе пошли в горы.

Лю Яоцин как раз размечал участок рядом с мастерской лепешек. Здесь было немного посеяно бобов, но, пожалуй, не удастся дожидаться созревания — придется выдернуть, иначе потеряешь

время. Чжэцзы-гэ оглянулся, заметил Чжун-гэ и Вэй-ши и легонько толкнул Лю Яоцина.

— Цин-гэр, — с улыбкой обратилась Вэй-ши.

Не меняя выражения лица, Лю Яоцин обернулся:

— Какое дело ко мне?

Вэй-ши ущипнула Чжун-гэ, тот поспешно сделал шаг вперед и сказал:

— Цин-гэр, если здесь на горе есть место, где можно помочь, прикажи хоть слово. Другого ничего нет, только сила в руках.

— А я не уверен, что ты в этом разбираешься? — усмехнулся Лю Яоцин. — Вы с женой приехали побираться, понимаете или нет? Вы даже противнее, чем нищие снаружи. Советую вам оставить эти мысли. Чжун-гэ, это слово лично тебе: этот ребенок — твоего семени, так что смотри за ним хорошенько.

Лицо Вэй-ши испортилось. Слова Лю Яоцина были слишком прямыми, он указал, что она, возможно, не умеет ухаживать за ребенком.

— Эти несколько месяцев ты жил как в тумане, Чжун-гэ. Тебе стоит понять, с кем можно жить по-людски, а с кем нет, — Лю Яоцин презирал таких непутевых людей, как Чжун-гэ, похожих на Лю Цзиньмэй — без собственного мнения.

Раз уж они раз за разом приходили искать неприятности на горе, Лю Яоцин решил дать им занятие, чтобы они не жили в сумерках, а голова прояснилась.

Вэй-ши была беременна и редко выходила из дома, в основном она мучила там Чжун-гэ, иногда ходила к старику Лю искать раздор. Если бы это было раньше, Вэй-ши точно не усидела бы дома, но снаружи было много сплетников.

Многие в деревне знали, что Вэй-ши сбежала, возможно, ушла к другому мужчине. Когда Чжун-гэ работал в поле или ходил по деревне, на него показывали пальцами. Смысл этих намеков он понимал, но разум его все это время был в тумане, и он ни разу как следует не подумал об этом.

Теперь слова Лю Яоцина словно вонзились иголками в мозг Чжун-гэ.

Кроме той ночи перед свадьбой с Вэй-ши на стог сена в деревне, Чжун-гэ касался ее всего несколько раз. В эти месяцы беременности он нянчился с ней спереди и сзади, но Вэй-ши? Она никогда не смотрела на него прямо, а иногда и не пускала на кан.

— Цин-гэр, что ты такое говоришь, пойдем, пойдем... — Вэй-ши прижала ребенка к себе и развернулась, торопя Чжун-гэ.

Деревянно вышли за дверь. На лице Чжун-гэ не было никакого выражения, непонятно, о чем он думал.

Лю Яоцин проводил их взглядом, спускающимися с горы, и холодно рассмеялся:

— Это не тот человек, с кем можно жить. Посмотрим, продержится она в семье Лю месяц или два. Этому мальчику придется тяжело... Просто мне не по душе поведение Чжун-гэ. Если он продолжит быть таким глупым, он погубит ребенка.

Старик Лю и Ли-ши, увидев, что родился мальчик, больше ни о чем не спрашивали. Лю Цюаньфу и младшая Ли-ши и вовсе не собирались о нем заботиться. Можно сказать, что с самого рождения мальчик мог полагаться только на своих родителей. Если мать ненадежна, а отец глуп, трудно сказать, каким будет ребенок в будущем.

— Цин-гэр добрый, — улыбнулся Чжэцзы-гэ. — Это очень хорошо.

— Конечно, я добрый, но не глупый! — гордо заявил Лю Яоцин, выпрямившись. — На кухне, должно быть, есть свинина? Позови маму, пусть лепит пельмени, очень хочется пельменей.

— Мясо есть, — поспешил ответить Чжэцзы-гэ.

Как раз на кухне оказалась свежая свинина. Ли-ши, закончив к полудню работу и получив известие, принялась за готовку.

Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ прибежали помогать. Лепить пельмени они не умели, а вот раскатывать тесто — очень даже хорошо. Скалка была новой, на ощупь гладкая, не скользила в руках, работать было очень удобно.

Поев горячих паровых пельменей, Лю Яоцин подумал, что вечером стоит собрать Су Ци и детей из мастерской лепешек в большой столовой и научить их грамоте и счету.

<http://bllate.org/book/16688/1532171>